
ФАНТОМ.
ПЕПЕЛ НА ПАЛЬЦАХ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ANA MOON

Ana Moon

Фантом. Пепел на пальцах. Часть 1

https://litres.ru/74880148
SelfPub; 2026

Аннотация

Её жизнь в Бостоне казалась обычной: частная практика психолога, ночные поездки по пустым трассам и странная, пугающая способность считывать чужие эмоции под кожей. Нэнси привыкла держать мир на расстоянии — пока однажды на осенней дороге не столкнулась взглядом с ним.

Он — Фантом. Двухметровая тень без прошлого, беглый прототип закрытого проекта. Его кожа чувствует пульс врага сквозь бетон, его сила не знает границ, а внутри выжжено всё человеческое. Но за каждое прикосновение он платит чудовищную цену — и всего один взгляд Нэнси сбивает его хвалёный контроль к чертям.

Они не должны были встретится. Её прошлое хранит тайну, за которой в тени охотятся слишком могущественные люди, а рядом с ним в её крови начинает просыпаться нечто такое, что способно изменить правила игры для обоих.

Теперь за ними идут по пятам. Ему нужно удержать зверя внутри, чтобы не сломать её. Ей — понять, кем она становится

рядом с тем, кто не умеет любить, но готов сжечь весь мир ради одного её вдоха.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР 5
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1 Эш. Пепел на пальцах 12
ГЛАВА 2. Нэнси. Знакомство, у которого нет пути обратно 25
ГЛАВА 3. Эш. Что сейчас произошло? 34
Г 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ana Moon
Фантом. Пепел на пальцах. Часть 1

ДИСКЛЕЙМЕР

ВНИМАНИЕ! СТРОГО 18+

Прежде чем вы перевернёте страницу и шагнёте в ночной Бостон, договоримся на берегу: **здесь не будет сказок о розовых пони, идеальных джентльменах и безопасных прикосновениях**.

Эта книга —художественный вымысел, в котором хватает темноты, крови, пороха, крепких выражений, жёстких столкновений и откровенных сцен без лишней сквозь-пальцы скромности. Здесь ломают кости, переходят границы, пьют виски в бетонных подвалах и играют на грани, где страсть легко переходит в одержимость. **Все персонажи, организации и события вымышлены, а любые совпадения с реальностью — чистая случайность.**

Автор не романтизирует насилие и ни к чему не призывает — просто не любит причёсывать то, что должно царапать. Если вы не готовы к мрачной атмосфере, горячим сценам и героям со сложным характером — лучше закройте файл

прямо сейчас.

Автор не пропагандирует насилие, деструктивное поведение или противоправные действия. Все описанные события являются частью художественного мира. Если перечисленные темы могут вызвать у вас эмоциональный дискомфорт, пожалуйста, отложите чтение.

Остальным — добро пожаловать. Только держите руки на виду и не играйте с огнём.

ПРОЛОГ

Машина въехала на гравийную дорогу в половине седьмого утра, и фары выхватили из темноты мокрые стволы елей. Двор «Сент-Джуда» был пуст, если не считать двух санитарных фургонов у бокового крыла и грузовика с брезентовым верхом, который стоял у котельной. Над кирпичной трубой висел дым, ровный, как из печной заслонки. Ветер с леса тянул его низко над землёй, и в салоне запахло гарью.

Артур Вейланд вышел из машины, поднял воротник пальто и посмотрел на часы. В восемь в Бостоне должна была собраться закрытая комиссия Пентагона — люди без имён и знаков различия, курирующие теневой бюджет Министерства обороны. Они ещё не знали, что им собираются сообщить.

На крыльце его ждала помощница Елена Рост. В двадцать семь лет она выглядела так, как будто всю ночь простояла у микроскопа и ни разу об этом не пожалела: белый халат застёгнут на все пуговицы, волосы стянуты в тугой пучок, на рукаве чернильное пятно от авторучки.

— Доброе утро, доктор. Все в сборе, — сказала она и пошла рядом, чуть отставая на полшага. — Четырнадцать детей. Трое не пережили зиму, ещё двое — прошлой весной. Я подготовила сводку по каждому.

— Сколько им сейчас?

— От девятнадцати до двадцати трёх. Старшие уже взрослые, доктор. Их можно выписывать хоть сегодня.

Они прошли через вестибюль, мимо стойки, где дремала дежурная, мимо стены с выцветшими плакатами о туберкулёзе, от которого этот санаторий лечил полвека назад. Вейланд шёл быстро, Рост говорила на ходу, не поднимая папки.

— Слух ни у одного. Речь ни у одного. Эмпатическая чувствительность подтверждена по всем протоколам: они считывают эмоциональный фон на расстоянии от трёх до пятнадцати метров, некоторые дальше. Ни силы, ни регенерации. Мышь с перерезанной аортой не заживает ни у одного из них.

— Я читал вашу сводку, Елена. За тридцать восемь лет ничего не изменилось.

— Тогда вам известно и остальное. Генералы из закрытого комитета не дадут денег на четвёртый цикл. Всё, что мы имеем, — это четырнадцать глухонемых взрослых, которых нельзя показать ни армии, ни разведке.

— Комиссия не увидит и этого, — сказал Вейланд.

Он остановился у лифтовой решётки, которая вела вниз, к котельной. Оттуда тянуло тёплым и сырым. Рост замолчала на середине фразы.

— Простите?

— Первую фазу закрывают, Елена. Сегодня. Я подписал приказ вчера вечером.

Она смотрела на него, прижимая папку к груди. Чернильное пятно на рукаве расползлось, как маленькая клякса.

— Вы тридцать восемь лет её строили.

— Мы тридцать восемь лет получали детей, которые не слышат и не могут сказать, что чувствуют. Армии нужно оружие, способное подавлять волю противника на поле боя и выживать под огнём, а не беззащитные телепаты. Меня высмеют.

— Мутация не в том, что они не слышат. Мутация в том, что они считывают, — тихо сказала Рост. — Мы просто не нашли, как её усилить без потери базовых функций.

— Вот именно, — ответил он. — Не нашли. Поэтому с нового года мы переводим финансирование под крыло частного подрядчика — «OmniGen». И запускаем Фазу номер два. Прямую модификацию взрослых и подростков. Без эмбриональных игр.

Лифт подошёл, решётка лязгнула. Вейланд кивнул вниз:

— Печь работает?

— С половины пятого.

— Хорошо. Значит, начнём с архива. Я хочу, чтобы к вечеру в нижнем хранилище не осталось ни одной карты.

Рост побледнела, но не двинулась с места.

— А дети?

— Детей разберут, как и прошлые экземпляры. Часть я переведу в закрытые учреждения, часть отдам семьям, как и ранее — под наблюдение. — Он снял перчатку и провёл

ладонью по холодному металлу решётки.

Внизу, в ординаторской, Рост ждала его у стола с картами. Папки лежали стопкой, перевязанные тесьмой, и от них пахло пылью и старым клеем.

Вейланд принялся за разбор личных дел испытуемых. В углу каждой папки стоял гриф: *DGR — PHASE I*. Он отобрал несколько досье, отложил их в сторону, взял авторучку и разборчиво вписал в протокол строку, которую не собирался показывать комиссии:

«Проверять ежегодно, ноябрь–февраль, всех ранних и вновь вышедших испытуемых. Пик активности генома».

— Елена, — сказал он, не поднимая головы. — Сожгите остальное. Всё, кроме этих досье на испытуемых. И перед тем, как закроете хранилище, снимите с печи человека, пусть простоит до утра. Я не хочу, чтобы к приезду людей из Пентагона из трубы шёл дым.

— Для чего мы оставляем слежку, если вы запускаете Фазу два? — спросила Елена, прищурившись. — Силовые прототипы заменят их.

— Силовые прототипы — это лишь броня и мышцы, Елена. Грубая работа, — тихо ответил Вейланд, закрывая последнюю папку. — Искусственный геном всегда даёт износ. Нам понадобится Фаза три. И если через поколения у этих глухонемых родятся дети со слухом и голосом… значит, природа сама стабилизировала нашу ошибку. Вот тогда мы сведём обе линии. И наши старания окажутся не напрасны.

Рост ничего не ответила. Она смотрела на папку у него под ладонью, и в её взгляде уже не было обиды, было что-то более опасное: холодный, научный расчёт.

Он вышел на крыльцо. Дождь кончился, но лес стоял мокрый и чёрный, и в лужах на гравии лежали бледные обрывки неба. Из трубы больше не шло дыма.

Вейланд сел в машину, положил папки на соседнее сиденье и завёл двигатель. До Бостона было три часа, и всю дорогу он думал о том, что линия, которую он только что похоронил, возможно, уже дала всходы.

Он ошибался только в одном: им понадобилось не тридцать восемь лет. Пятьдесят.

ГЛАВА 1 Эш. Пепел на пальцах

Наше время

Дождь шёл третий час, и от него не было никакого толку: он глушил шаги, но смывал запахи, а запахи мне были нужнее.

Я стоял в арке напротив трёхэтажного дома на Дорчестер-авеню, смотрел, как вода стекает по козырьку аптеки, и считал. Внутри, за кирпичной стеной и витриной с просроченными витаминами, было четверо живых. Двое на первом этаже: один сидел, второй ходил из угла в угол, короткими шагами, около четырёх в минуту. Третий спал в подсобке, дыхание ровное, пульс шестьдесят с небольшим. Четвёртый был самым важным: детское сердце в подвале, сто сорок ударов, с перебоями, как мотор на последнем литре бензина.

— Сколько? — спросил в наушнике Кроули.

— Четверо. Мальчишка в подвале. У него тахикардия и температура под сорок, если верить тому, что я чувствую через бетон.

— Верить не надо. Надо заходить.

— Подтверждаю, — раздался в канале ровный, ленивый голос Сэма с крыши дома напротив. — Слышу капельницу в подвале, скрипит старая пружина койки. И у того, что ходит по залу, под курткой «Глок» в оперативке. Если дёрнется —

сниму через витрину.

— Без стрельбы, Сэм, — отрезал я. — Не хватало ещё собрать копов со всего Дорчестера. Эмили, ты на чёрном ходу?

— Давно уже, Фантом, — язвительно хмыкнула она в гарнитуру. — Скучаю тут под дождём. Может, шевельнёшь своей двухметровой задницей, пока я не заржавела?

Мы работали без раций на открытом канале, на коротких волнах, которые Ноа гонял через три ретранслятора в разных концах города. Каждый выход начинался одинаково: сначала я слушал здание, Сэм снимал картинку сверху, Кроули говорил «надо заходить», а Эмили рвалась в мясорубку первой. За три года после побега из «Блэкстоуна» мы не придумали ничего умнее.

Я перешёл улицу под дождём, поднялся на крыльцо и взялся за ручку. Замок был дешёвый, китайский, с язычком, который я почувствовал подушечками пальцев раньше, чем увидел. Один короткий толчок ладонью ниже ручки — и дверь отошла.

Внутри пахло мокрым линолеумом, кошачьей мочой и спиртом. За прилавком сидел парень в спортивной куртке и смотрел в телефон; на экране шла какая-то игра с разноцветными шарами. Он не успел поднять голову. Я взял его за затылок, придержал, чтобы не ударился о стеклянную витрину, и нажал на сонную артерию. Через восемь секунд он обмяк. Я уложил его на пол за прилавком и пошёл дальше.

Второй был в подсобке, за занавеской, и этот тоже был

не готов: он не слышал меня, когда я чувствовал его ещё с улицы.

Я уловил, как у него подскочил пульс при виде меня и как рука потянулась к поясу. Сблизился я раньше, чем он достал пистолет. Один хват рукой за шею — и я уже контролирую ситуацию. Он зашипел, пистолет упал на кафель. Я сжал его шею ладонью ровно до грани, не ломая позвонки — тело обмякло и скатилось на пол.

— Чисто, — сказал я в наушник. — Двое.

— Третий у тебя за спиной, — ответил Кроули. — Спит.

— Я знаю, что он спит. Эмили, заходи с тыла, прикроешь верх. Мы с Кроули в подвал.

Через секунду задняя дверь глухо звякнула — Эмили даже не стала возиться с замком, просто вырвала ригель вместе с куском косяка. Она скользнула внутрь бесшумно, невысокая, поджарая, в мокрой чёрной куртке, с коротким клинком в руке.

— Нежно, как всегда, — бросил я, проходя мимо.

— Уж какая есть, «Хирург», — фыркнула она, привалива-ясь плечом к косяку и равнодушно оглядывая вырубленных охранников. — Тебе с твоими нежными пальчиками только пианино настраивать, а мне удобнее ломать.

В отличие от меня, у Эмили не было тактильного радара — только звериная сверхсила и быстрая регенерация. В бою она не дозировала удары, она просто сносила всё на пути.

Дверь в подвал была за фанерой, обитой дерматином. Я

снял её с петель, не тратя времени на замок, и спустился по лестнице, где на каждой ступени лежал слой грязи.

Запах внизу сделался плотнее: спирт, кровь, что-то кислое, вроде прокисшего бульона. Мальчишка лежал на кушетке у стены, пристёгнутый ремнями от старых носилок. Ему было на вид лет восемнадцать, может, меньше. Худой, серый, с мокрыми от пота волосами, в футболке, которая прилипла к телу. Рядом на табурете стояла капельница, из которой торчал пустой пакет, и лежал шприц.

Я подошёл, положил ладонь ему на лоб и сразу убрал: кожа горела. Сердце под моей рукой билось так, будто он бежал вверх по лестнице уже вторые сутки.

— Эй.

Он открыл глаза и посмотрел сквозь меня.

— Ты кто? — спросил он хрипло. — Ты из лаборатории?

— Нет. Я из тех, кто тебя забирает.

Я расстегнул один ремень, потом второй. На его правом предплечье темнело бурое пятно размером с ладонь, и от него пахло гнилью; кожа под пятном была прохладной, хотя весь он горел. Кто-то колол ему в одну вену много и часто, и вена не выдержала.

— Кроули, — сказал я в наушник. — У него рука.

— Насколько плохо?

— Настолько, что я её не чувствую.

Кроули появился в дверях с аптечкой на плече. Он всегда

носил её сам, хотя я мог бы донести. Шрамы у него начинались от подбородка и уходили под воротник, как трещины по старому асфальту, и на левой руке не хватало двух пальцев. Первая партия Фазы номер два, до того, как учёные отладили регенерацию. Он старел как обычный человек и был старше нас всех на пятнадцать лет.

— Твою мать, — сказал он, глядя на руку, и это было всё, что он сказал.

***

В фургоне пахло бензином и старым одеялом. Ноа сидел за рулём, не оборачиваясь, и в зеркале заднего вида было видно, как он прикусил щёку изнутри. Так он делал всегда, когда хотел что-то сказать и не говорил. Эмили сидела на переднем пассажирском, закинув ноги в тяжёлых берцах на панель и лениво крутя в пальцах нож, а Сэм устроился у задних дверей, держа винтовку на коленях.

Кроули разложил на полу ящик, вынул жгут, ножницы, пакет с физраствором и плоскую металлическую коробку с инструментом, которому было больше лет, чем мне.

— Свет, — сказал он.

Я включил лампу на потолке фургона. Мальчишка лежал на одеяле, и его трясло. Глаза были открыты, но он смотрел не на нас, а куда-то в потолок, где на жести расплывалось пятно ржавчины.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Дэвид.

— Дэвид, слушай меня. Сейчас будет больно. Сильно. Ты закричишь, это нормально, кричи. Только не дёргай руку, иначе я тебе её сломаю в двух местах, и будет хуже.

— Я не хочу, — сказал он.

— Я знаю.

Кроули уже наложил жгут выше локтя, и я видел, как под его пальцами кожа мальчишки пошла белыми пятнами. Кроули работал быстро и без лишних движений: разрез по внутренней стороне, потом по внешней, потом что-то хрустнуло, и Дэвид заорал так, что у меня заложило уши.

Я держал его за плечи. Он рвался, и я держал крепко, но так, чтобы не сломать ему ключицу, и это была самая тяжёлая работа за весь вечер. Мои пальцы чувствовали каждый его всхлип, каждое сокращение мышц, каждый спазм, который шёл от разреза вверх, к шее, и отдавался у меня в предплечье.

— Дыши, твою мать, — говорил я. — Вдох. Ещё. Смотри на меня.

Он смотрел на меня, и в его глазах было столько ужаса, что я на секунду перестал чувствовать собственные руки. Эмили с переднего сиденья бросила короткий взгляд назад — без жалости, только с глухой, привычной злостью человека, который слишком хорошо знает, что такое боль. Сэм молча отвернулся к тонированному стеклу.

Кроули закончил через четыре минуты. Культю он закрыл стерильной салфеткой, поверх наложил бинт, затянул узлом и только потом отпустил жгут. Всё это время он не сказал ни слова. На его лице выступила испарина, а руки не дрожали вовсе.

— Всё, — сказал он. — Жить будет. Если не начнётся заражение.

— А рука? — спросил Дэвид. Он ещё не понял. Он смотрел на нас и ждал, что кто-нибудь скажет, что руку пришьют обратно.

Кроули закрыл аптечку.

— Руки нет, сынок, — сказал он тихо. — Она была мёртвая. Если бы мы её оставили, ты бы умер через неделю.

Дэвид замолчал. Потом отвернулся к стене фургона и заплакал беззвучно, только плечи дёргались. Я накрыл его одеялом и сел рядом на пол.

Ноа тронул машину с места, и мы поехали по пустым мокрым улицам, мимо закрытых магазинов, мимо фонарей, которые отражались в асфальте длинными жёлтыми полосами.

— Кто его держал? — спросил я.

— Врач, — сказал Кроули. — Тот, что наверху спал. У него в кабинете нашли журнал: за прошлый месяц семнадцать имён. Он не лечил их. Он держал их живыми, чтобы сдавать кровь.

— Кому?

— Тому, кто платит. Угадай с одного раза.

— Не похож он нанашего, — подал голос Сэм от задней двери, прищурившись в полумраке. — Ни шрамов от имплантов, ни сбитого пульса. Обычный гражданский.

— Зато группа крови редкая, с нужным резус-фактором, — сухо ответил Ноа из-за руля. — «OmniGen» скупает такую для стабилизации сывороток после выгорания. Они превратили обычного пацана в донорскую ферму.

Я не стал комментировать. Я смотрел на культю под одеялом и на то, как Дэвид дышит, и считал в уме, сколько глюкозы мне понадобится.

Я достал из кармана две ампулы, свернул пластиковые колпачки и вылил их в рот одну за другой. Сладко-солёная дрянь обожгла горло, и на несколько минут стало легче.

***

Бункер пахнул оружейной смазкой, остывшим кофе и мокрым бетоном. Мы загнали фургон в подземный бокс, Кроули увёл Дэвида в медицинский закуток и заперся с ним на полчаса, а я сел на ящик с патронами у стены и стянул куртку. Она была мокрая насквозь, и от неё шёл пар.

Откат накатывал волнами. Сначала озноб, потом дрожь в коленях, потом белый шум в кончиках пальцев, будто я опустил руки в газировку. Я сидел и ждал, пока пройдёт.

Сам бой был лёгкий, я даже не приложил усилий, но импульсы парнишки пошатнули мои рецепторы.

Ноа принёс мне бутылку электролита и сел напротив на перевёрнутое ведро. Он был в наушниках, сдвинутых на шею, и в его бледном лице не было ни кровинки, как всегда, после ночной работы. Сэм уже ушёл в тир разбирать винтовку, а Эмили остановилась в дверях, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди.

— Семнадцать имён, — сказал Ноа. — Я пробил журнал. Половина — беглые из второй партии, те, что ушли от Вэнса в прошлом году. Пятеро числятся пропавшими без вести. Двое умерли.

— Кто платил?

— Платёж шёл через три прокладки. Дальше я не пробил, там корпоративная крипта, у меня уйдёт неделя. Но одна прокладка — клиника в Мэне. Та самая.

Я открутил крышку и выпил половину бутылки. Солёная вода пошла в желудок и растеклась тяжестью.

— В Мэне ничего нет. Там одни ели.

— Там живёт человек, который работал в «Сент-Джуде» санитаром двадцать лет. Ему семьдесят восемь, он на пенсии, у него дом в Уотервилле и, судя по всему, маразм. Но у него в подвале лежит папка, которую он вынес оттуда в девяносто четвёртом.

— Что в папке?

— Списки первой фазы. Кто был в программе, кто выжил, кто куда делся. Я нашёл его через форум в дарке, он сам ищет

покупателя. Просит десять тысяч.

Кроули вышел из закутка, вытирая руки о полотенце. Шрамы на его лице в свете лампы казались глубже, чем были.

— Десять тысяч за бумажки, — сказал он. — У нас нет десяти тысяч.

— У нас есть восемь.

— Значит, договорись за восемь.

Я посмотрел на дверь закутка. Оттуда не доносилось ни звука.

— Как пацан?

— Спит. Температура спадает. — Кроули бросил полотенце в ящик. — Никаких мутаций у него нет, Ноа оказался прав. Но соображает быстро — пока я зашивал, он мне по памяти продиктовал номера счетов, которые подсмотрел в ноутбуке того врача.

Сгодится тебе в помощники, Ноа, раз уж мы теперь приют для бездомных.

Ноа только хмыкнул и кивнул.

— Это была последняя вылазка без плана, — сказал я.

— Ты это говоришь каждый раз, — усмехнулся Кроули и хлопнул меня по плечу ладонью, у которой не хватало двух пальцев. — Съезди в Мэн. Купи бумажки, забери папку, отдай восемь тысяч и не ввязывайся ни во что по дороге. Мне

не нужен ещё один мальчишка без руки.

— Я не мальчишка, а рука регенерирует, старик.

— Вот именно, парень, — сказал он. — Поэтому не привлекай внимание.

Кроули и Ноа ушли в серверную. В боксе стало тихо, только гудела вентиляция. Эмили оттолкнулась от косяка, подошла ближе и остановилась прямо передо мной, глядя сверху вниз с привычной ленивой усмешкой.

— Опять дёргает пальцы, Фантом? — она провела кончиками пальцев по моему напряжённому плечу, чувствуя, как под кожей всё ещё гудит остаточный жар. — Идиот. Вечно тащишь на себе чужую грязь.

— Не начинай, Эмили.

— А я и не начинаю, — она наклонилась ниже, касаясь губами моей шеи, ниже уха, без нежности — скорее как хищник, проверяющий реакцию. — У тебя до выезда в Мэн ещё четыре часа. Можем спустить пар, чтобы ты не разнёс руль по дороге. Никаких соплей, как обычно.

Я посмотрел в её холодные, насмешливые глаза. Эмили была из того же теста, что и я — выжженная, резкая, не способная на привязанность. С ней всё было просто: физиология, сброс напряжения и ноль обязательств.

— Пошли, — глухо сказал я, поднимаясь с ящика. — Но через три часа разбудишь.

Я ещё не знал, что это последний раз, когда мне вообще захочется к ней прикоснуться.

***

Я подошёл к закутку в половине пятого утра, уже одетый к выезду, и приоткрыл дверь. Дэвид не спал. Он лежал на кушетке, укрытый до подбородка, и смотрел в стену; правая рука, вернее то, что от неё осталось, лежала поверх одеяла, и он на неё не смотрел ни разу.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил я.

Он повернул голову. В глазах не было слёз, только пустота, как у человека, который ещё не решил, как к этому относиться.

— Где я?

— В безопасном месте. Пока.

— А потом?

Я сел на табурет у койки. Врать было проще, но бесполезно.

— Потом сам решишь. Ноа сказал, ты неплохо шаришь в цифрах и коде. Если захочешь остаться — будешь помогать ему с сетями. Не захочешь — сделаем документы, дадим денег, уедешь из Бостона.

— Я не умею сам, — он сказал это очень спокойно. — Меня забрали из приюта в четырнадцать. Я не помню, как платить за квартиру. Я останусь. Если от меня будет толк.

— Толк будет.

Я встал, но у двери остановился.

— Дэвид. То, что ты сейчас чувствуешь, — это не слабость. Это то, чего у лаборатории нет. Не дай им себя убедить в обратном.

Он ничего не ответил. Я закрыл дверь, поднялся в бокс, надел балаклаву, шлем и вдавил газ. Впереди были три часа пустой трассы, кофе на заправке и старик с папкой, за которую кто-то в этом городе уже заплатил семнадцатью именами.

О том, что через два часа я встречу девушку, из-за которой всё пойдёт к чертям, я не думал. Никто бы на моём месте не думал.

ГЛАВА 2. Нэнси. Знакомство, у которого нет пути обратно

Субботнее утро встретило промозглой ноябрьской сыростью, от которой под кожу мгновенно забирался холод. Я проснулась ни свет ни заря: нужно было съездить за бабушкой и отвезти её к врачу в город, как мы и договаривались с мамой.

Ох уж этот мой вечный максимализм. За плечами пять тяжёлых рабочих дней, и к выходным чужие эмоции буквально пропитывают меня насквозь. Иногда кажется, что все мои клиенты до сих пор сидят у меня на кухне. Друзья называют меня эмпатом, но внутри давно скребётся уверенность: это нечто большее. И нечто куда более тёмное.

Именно из-за этого проклятия я и стала психологом-консультантом — тем самым «мозгоправом» для потерянных и сломанных. Я собираю их психику по кусочкам, как кубик-рубика. У меня нет строгих методичек и схем лечения — только чужие чувства, которые я ощущаю прямо под кожей. Я цепляюсь за невидимую нить боли и шаг за шагом распутываю клубок, в который человек сам себя загнал. Когда им становится легче, отпускает и меня. Я научилась обращать свой дефект во благо. Хотя в глубине души до сих

пор считаю его дефектом.

А ещё был этот дурацкий природный магнетизм — то, что с восемнадцати лет превращало любой мой выход из дома в полосу препятствий. Мужчины тянулись ко мне, как мотыльки на фонарь: стоило задержать взгляд или случайно коснуться руки, и у них сносило крышу. В юности это пугало, потом бесило, а к двадцати шести выработало железный иммунитет и острый язык. Когда каждый второй пытается пустить перед тобой пыль в глаза и лебезит, быстро учишься ставить людей на место и не тушеваться ни перед кем. Обычные, «удобные» парни вызывали у меня только зевоту.

08:43. *«Чёрт, пора выезжать.»*Три часа за рулём в одну сторону — сомнительное удовольствие.

Я натянула свой привычный «бронежилет»: чёрное боди, плотные леггинсы, высокие сапоги на устойчивом каблуке и тяжёлую оверсайз-косуху. Для глухой провинции сойдёт. Собрав волосы в небрежный пучок крабиком, я на секунду задержалась у зеркала в прихожей. Мои светло-русые, отдающие в рыжину волосы и чёрный узор татуировки на груди всегда выбивались контрастом из моего тотально чёрного гардероба, но я считала это своей изюминкой.

Схватив с тумбочки ключи, я выскочила за дверь.

Обычно я люблю дальнюю дорогу, но путь от Бостона до Уотервилла в штате Мэн — это разбитый асфальт и убогие пригородные заправки без нормального кофе. И всё же я обожала наше старое поместье, затерянное среди густых лесов и пустых полей. Там царила тишина. Ни единой живой

души на десятки километров вокруг — а значит, ни одной чужой эмоции в моей голове.

Заведя свою старую чёрную BMW 3 E90 2011 года, я ринулась на первую цивилизованную заправку за стаканчиком двойного «Капучино стронг», электронкой и литрушкой 5W40 для моей красотки. В машине заиграла «Youth Never Dies, Project Vela, Onlap – Last Resort» — как призыв выжать двести двадцать на ещё пустой утренней дороге в выходной день. Впереди меня ждали три часа музыки, одиночества и привычного копания в себе.

«Ну, поехали.»

Начну с того, что мир, в котором мы все живём, всегда казался мне каким-то неполноценным. Будто от меня скрывают изнанку вещей — ту, что находится за пределами обычного зрения и слуха. По документам я из самой обычной, ничем не примечательной семьи, о моей биографии рассказывать людям скучно. Но внутреннее ощущение какой-то недосказанности меня не отпускало.

По материнской линии в роду были глухонемые — бабушка и дедушка, их родители тоже, хотя моя мама родилась уже слышащей и говорящей. Они не слышали ни звука и не могли говорить, но читали людей как открытые книги. Стоило войти в комнату, и бабушка уже знала, о чём я тревожусь, отвечая быстрыми, точными жестами.

Психология объясняет это просто: когда отключаются слух и речь, обостряются остальные чувства. Но всегда оста-

валось одно «но», от которого у меня холодело внутри. Я-то слышу и говорю. И при этом чувствую людей так же остро, как они — словно чужие эмоции впрыскивают мне прямо в вену.

В сети полно баек о ведьмах и прочей мистике, но я копала глубже, пока не наткнулась на закрытые форумы и обрывки старых сливов. Там писали о секретных послевоенных разработках, которые курировало теневое крыло армии США. Якобы военные пытались вывести новый тип солдат — живое оружие с чудовищной физической силой, мгновенной регенерацией и способностью подавлять волю противника на расстоянии. Тот, кто обладал этим геном, должен был чувствовать нейронные импульсы жертвы за версту, превращая любого врага в послушную марионетку с выжженным мозгом.

Но проект захлебнулся в крови. Взрослые испытуемые не выдерживали перестройки организма и умирали в муках. Тогда учёные попытались внедрять геном на стадии эмбриона. Дети выжили, но родились глухонемыми. Сверхсилы и регенерации у них не было — только пугающая, почти телепатическая эмпатия. Довести «солдат» до ума так и не удалось, и в девяностых программу похоронили под грифом «совершенно секретно». А выжившие дети выросли и завели семьи, передавая из поколения в поколение лишь слабые отголоски того дара.

Звучит как бред сумасшедшего или сюжет дешёвого дарк-

фэнтези. Но каждый раз, глядя на бабушкины руки, складывающие слова в воздухе, я ловила себя на мысли: а что, если это правда? Почему-то мне отчаянно хотелось в это верить — наверное, потому что так моя «неправильная» чувствительность обретала смысл, делала меня особенной, а не просто ходячим громоотводом для чужих неврозов.

Полтора часа трассы вымотали, и я начала высматривать заправку, чтобы размять ноги. Бросив взгляд в боковое зеркало, я замерла.

Позади, уверенно держа дистанцию, шёл массивный чёрный байк. За рулём сидел мужчина — даже сквозь экипировку угадывались мощные, широкие плечи и внушительные габариты. Лицо полностью скрывал глухой чёрный визор.

«Внушительно», — мелькнуло в голове. И тут же по рецепторам ударил странный фон. На таком расстоянии я обычно не цепляю чужие эмоции, но от этого байкера тянуло густым, почти осязаемым шлейфом… приторной сладости с

лёгким металлическим оттенком. Так для меня пахнет чужой, хищный интерес. Но слишком далеко, чтобы понять, на что именно он нацелен.

Свернув на заправку, я быстро прошла внутрь за кофе.

— Двойной «Капучино стронг», пожалуйста, — бросила я кассиру, стараясь не впускать в себя её вселенскую утреннюю усталость.

— Пять долларов, — буркнула девушка, не поднимая глаз.

И снова воздух вокруг словно сгустился, накрывая той самой приторной сладостью. Я тряхнула головой, отсекая лишний шум, сунула карту в сумку, подхватила горячий стакан и толкнула дверь на выход.

И на полном ходу врезалась в стену.

Только «стена» оказалась живой. Подняв глаза, я уперлась взглядом в мужскую грудь, обтянутую чёрной тканью, а затем задрала голову вверх. Передо мной возвышался гигант — не меньше двух метров ростом, с телом бойца без правил. Нижнюю часть лица скрывала чёрная балаклава, оставляя открытыми только глаза — тёмно-карие, глубокие, как ночной омут.

Запах интереса ударил в голову так резко, что на секунду перехватило дыхание.

«Любопытно…»— я поймала его взгляд и позволила себе на мгновение коснуться его эмоционального поля, чтобы понять, чего он хочет.

И замерла.

В нём не было ни агрессии, ни дешёвого азарта дорожного хама, к которым я так привыкла. Его интерес был направлен прямо на меня — тяжёлый, изучающий, почти сканирующий. А следом, стоило нашим взглядам сплестись, по его фону скользнула горячая, тёмная волна — смесь искреннего недоумения и густого, плохо скрываемого вожделения.

«Вот же засранец», — хмыкнула я про себя, чувствуя, как по спине пробежал непривычный, колючий ток.

Не дожидаясь, пока он заговорит или сделает шаг, я коротко, дерзко улыбнулась прямо в его тёмные глаза, прижала телефон к уху, делая вид, что мне звонит мама, и неспешно пошла к своей машине. Спиной и затылком я чувствовала его взгляд до самой дверцы.

Сев за руль, я выдохнула. Сердце билось чуть быстрее обычного. Внешне он выглядел как антигерой из жёсткого боевика, но интуиция молчала — опасности от него не исходило. И всё же здравый смысл требовал уехать. Он вёл меня по трассе, свернул следом и встал ровно на моём пути. Выждав пару минут, пока массивная чёрная фигура скроется за дверью заправки, я вдавила газ и ушла обратно на шоссе.

Остаток пути до бабушкиного дома прошёл спокойно. Чёрный мотоцикл в зеркалах больше не появлялся.

ГЛАВА 3. Эш. Что сейчас произошло?

Я замер у входа в стеклянные двери заправки, глядя вслед отъезжающей чёрной BMW. В груди всё ещё непривычно сбивался ритм.

Чёрт возьми. Что это вообще было?

Я привык доверять своим рецепторам больше, чем глазам. Моя кожа считывает мир как открытую схему: вибрацию двигателя, сцепление шин с мокрым асфальтом, учащённый пульс охраны за бетонной стеной, напряжение мышц врага за долю секунды до удара. Нас с детства дрессировали в «Пепельном доме» как живое оружие — идеальных солдат, у которых боль, страх и привязанность выжжены на уровне нейронных связей.

Но когда я обгонял эту машину на трассе в Мэн, сквозь шлем и плотную экипировку ударил странный, незнакомый импульс. Не угроза и не запах адреналина — будто невидимый магнит дёрнул за нервные окончания. Я даже не видел, кто за рулём, но свернул за ней на заправку просто на рефлексе. Чтобы понять, *кто*фонит так сильно.

А потом она врезалась в меня на выходе. Хрупкая, в чёрной коже, с рыжеватым отливом волос и смелым, изучающим

взглядом.

И в ту секунду, когда она посмотрела мне прямо в глаза, мой хвалёный контроль дал сбой. Внутри поднялась глухая, горячая волна — острая настолько, что свело скулы под балаклавой. Для меня, с моим подавленным эмоциональным фоном, женщины всегда были лишь способом сбросить физическое напряжение. Механика, секс и ноль привязанности. Но эта девчонка… Она не просто вызвала голод. Она заворожила меня, заставив ощутить нечто давно забытое, почти человеческое — и от этого внутри поднялась глухая тревога.

Она улыбнулась так, будто прочитала каждую мою мысль, и спокойно ушла к машине. А я впервые за много лет стоял на месте и тупо смотрел ей вслед, не понимая, что со мной происходит.

***

Через сорок минут я уже стоял на покосившемся крыльце обшарпанного дома на окраине Уотервилла. Старик, бывший санитар «Сент-Джуда», оказался таким, как описывал Ноа: высохший, с мутными слезящимися глазами и дрожащими руками, в которых он сжимал перевязанную бечёвкой картонную папку.

— Восемь тысяч, — просипел он, косясь на мой чёрный шлем под мышкой. — Как договаривались. Я всё отдал. В девяносто четвёртом доктор Вейланд велел сжечь остатки в

котельной, но я припрятал. Думал, пригодится на старость.

— Кто-нибудь ещё спрашивал про эти бумаги за последние месяцы? — сухо спросил я, отсчитывая пачку купюр и одновременно прислушиваясь к его неровному, старческому пульсу. Не врёт.

— Никому они не сдались. Только позавчера какие-то ребята на тёмном седане крутились у старого санатория в лесу. Думал, охотники за медью.

Я сунул папку во внутренний карман куртки, оставил деньги на столе и вышел. Дорога обратно в Бостон заняла два с половиной часа, но всю трассу в голове крутился не старый архив «Сент-Джуда», а ухмылка девчонки в чёрной косухе.

***

В полутемном штабе на окраине Южного Бостона пахло остывшим кофе, оружейной смазкой и сырым бетоном. Вся команда была в сборе. Сэм сидел в углу у стола, неторопливо протирая оптику своей винтовки, Эмили развалилась на старом кожаном диване, закинув ногу на ногу, а в дальнем конце комнаты за дополнительным монитором уже устроился вчерашний новичок Дэвид — бледный, с забинтованной культёй правой руки, он сосредоточенно листал строки кода под присмотром Ноа.

Кроули стоял у стола, и стоило мне переступить порог, как он с глухим стуком бросил на столешницу распечатан-

ную папку, которую только что передал наш внешний информатор:

«Досье: Эш Мерсер (позывной «Хирург» или «Фантом»)

«Физиология и боевой стиль:

1. Контроль силы и тактильность.

Обычный сверхчеловек в драке разрывает врагов в клочья, оставляя море крови и шума. Эш работает иначе. Его рецепторы на коже настолько чувствительны, что он ощущает пульс жертвы через одежду, напряжение мышц перед замахом и микротрещины в костях. Он дозирует свою чудовищную силу ювелирно — ровно настолько, чтобы сломать ключицу или вырубить человека одним бесшумным захватом.

2. Скрытность.

При росте два метра он полностью контролирует центр тяжести и давление стопы на поверхность. Благодаря гиперчувствительности ступней он чувствует любую скрипучую половицу или битое стекло ещё до того, как перенесёт на ногу вес.

3. Регенерация и выносливость.

Ему не нужна тяжелая броня, которая сковывает движения и шумит. Он носит плотную, но легкую тактическую экипировку, которая скрывает шрамы и быстро затягивающиеся пулевые отверстия.

Транспортное средство:

1. Перчатки без пальцев или сверхтонкая кожа. Что-

бы не глушить свое главное преимущество — тактильное сканирование, — он либо работает голыми руками, либо использует тончайшие кевларовые перчатки, сохраняющие чувствительность подушечек пальцев.

2. Транспорт и связь с дорогой. Усиленное осязание делает его идеальным гонщиком. Он буквально кожей чувствует сцепление шин с мокрым асфальтом, вибрацию двигателя и малейший занос за доли секунды до того, как это заметит электроника транспорта.

Главная слабость (цена способностей):

Метаболическое выгорание:

— Как работает ресурс. В спокойном состоянии тело Эша экономно, но в бою (сверхсила, ускоренная реакция, регенерация пулевых ранений) его метаболизм разгоняется в десятки раз. Температура тела поднимается, а внутренние запасы гликогена и электролитов сгорают за минуты.

— Первая стадия — «тактильный шум». Когда уровень энергии падает ниже критической отметки, его главное оружие начинает сбоить. Кончики пальцев перестают считывать микровибрации с ювелирной точностью. Вместо четкой картины («кость треснет через секунду») в мозг идет белый шум, легкое онемение и фантомное покалывание.

— Вторая стадия — потеря калибровки. Двухметровый гигант со сверхсилой без тактильного контроля становится опасным для самого себя и окружения. Он может слу-

чайно смять стальную дверную ручку, сломать ребро цели, которую нужно было взять живой, или не почувствовать занос заднего колеса на мокрой трассе.

— Третья стадия — «откат». Если бой затянулся, а регенерация затягивала тяжелые раны, после выхода из зоны риска его накрывает ледяной озноб и провальный сон на 12–16 часов, во время которого он абсолютно беззащитен.»

— Кроули, что за дерьмо? — я поднял на него тяжёлый взгляд, чувствуя, как на кончиках пальцев начинает гудеть лёгкий «тактильный шум» — пора было закинуться глюкозой, утренний выезд вымотал больше обычного.

Кроули медленно откинулся в кожаном кресле, покрутил в пальцах бокал с виски и усмехнулся.

— Это твое свежее досье, Эш. Какой еще ответ ты хотел услышать?

— DGR? — я постучал костяшками по первой странице, где красовался мой старый лабораторный позывной — «Хирург», а ниже — сухой разбор моей физиологии: сверхсила, ускоренная регенерация, гипертактильность, позволяющая чувствовать предел прочности костей противника через одежду, и единственная уязвимость — метаболическое выгорание, которое вырубает меня, если я вовремя не восполню ресурс.

— Они самые. При финансовой поддержке корпорации «OmniGen» и под прикрытием теневого комитета Министерства, — сухо произнес Кроули и сделал глоток.

— Кто-то слил им свежие данные по твоей калибровке и откатам. На остальных тоже подняли сводки: по Сэму, по Эмили, даже по мне. Охота началась по-крупному.

Сэм в углу тихо хмыкнул, не отрываясь от прицела:

— Пусть сунутся. Я вижу их снайперов за два километра раньше, чем они успеют снять предохранитель.

В моей голове это не укладывалось. Мы все — я, Кроули, Эмили, Сэм — были беглыми солдатами Фазы номер два. Мы вырвались из подземного ада в «Блэкстоуне», перебили охрану и три года назад выжгли их архивы дотла, чтобы стать призраками. Я никогда не допускал ошибок.

— Я думал, мы уничтожили все их базы три года назад. Откуда утечка?

Кроули допил виски, тяжело поднялся из кресла и подошел к окну. Он был из того же теста, что и я, только из первой, бракованной партии Фазы два. Более старая версия испытаний — без регенерации, с кучей старых шрамов и обычным человеческим старением.

— Мы все так думали, парень, — тихо сказал он. — Но это не значит, что «Пепельный дом» от тебя отстанет. Ты единственный их безупречный образец. Идеальный солдат, который выжил и ушел с поводка.

— «Пепельный дом», — глухо повторил я. Так мы называли DGR между собой — из-за крематориев на нижних уровнях, где сжигали всех, кто не пережил перестройку генома.

Я выложил на стол старую картонную папку из Уотервил-

ла и кивнул Ноа:

— Архив санитара из «Сент-Джуда». Списки первой фазы. Разберись, за что эти ублюдки платили нашему вчерашнему доктору.

Ноа кивнул, подтягивая папку к себе, и тут же переглянулся с Дэвидом:

— Малой уже начал расшифровывать платёжные шлюзы клиники. Башка у него варит как надо, к вечеру вскроем цепочку.

Я помолчал, переваривая услышанное, а затем достал телефон и перекинул на стол фотографию, сделанную с регистратора моего байка. Номера чёрной BMW 3 E90.

Кроули прищурился, глядя на экран, и медленно перевел взгляд на меня.

— Это еще кто? Заказ?

— Нет. Просто… нужно поднять все, что есть на владелицу этой машины. По всем базам — гражданским, медицинским и тем закрытым архивам DGR, которые у нас остались.

С дивана раздался язвительный смешок. Эмили лениво потянулась, прищурив тёмные глаза, и посмотрела на меня с откровенной насмешкой:

— Ого, «Хирург». Неужели наш каменный монстр решил завести себе домашнюю зверушку? Или на трассе подцепил кого-то, пока ездил за макулатурой?

— Закрой рот, Эмили, — сухо отрезал я, даже не поворачивая головы. — Тебя это не касается.

— Ну-ну, — фыркнула она, но взгляд её мгновенно стал колючим и настороженным.

Она слишком хорошо меня знала, чтобы не заметить, как сильно меня зацепила эта случайная встреча.

Кроули нахмурился. Для него, как и для всей нашей команды, любое лишнее движение без веской причины означало риск засветиться.

— Эш, у нас на хвосте «OmniGen» и люди Вэнса, а ты просишь встряхнуть старые архивы из-за какой-то девчонки с трассы? Что она сделала? Засекла тебя?

— Она не знает, кто я, — жестко сказал я, глядя на замороженный кадр с номером. — Но мне нужно знать, кто она. Прямо сейчас.

Я снова посмотрел на листок со своим досье. Проблемы с DGR и «OmniGen» были реальными и смертельно опасными. Но почему-то прямо сейчас часть моего сознания все еще возвращалась на ту чертову утреннюю заправку по дороге в Мэн — к светло-русой девчонке в черной косухе, от одного взгляда которой впервые за все мое существование я будто бы начал сходить с ума.

Мне не знакомы эти ощущения — либо я еще пока не понял, какое название им дать. И пока я не узнаю, что скрывается в ее крови, этот вопрос не даст мне спокойно дышать.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.